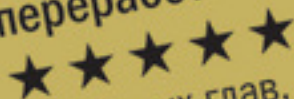

АВТОР
БЕСТСЕЛЛЕРОВ
«ЛЕДОКОЛ» И
«АКВАРИУМ»

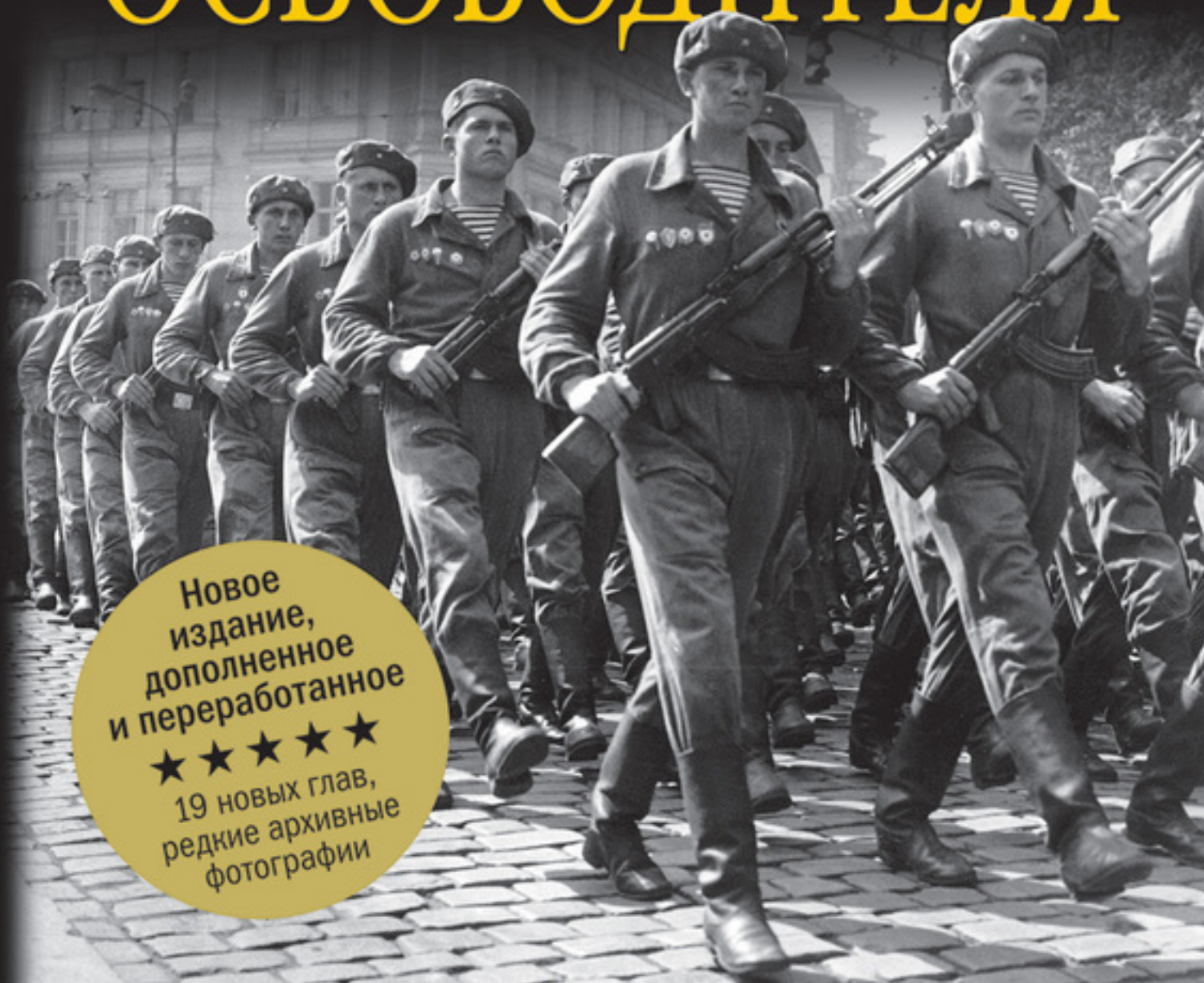
ВИКТОР СУВОРОВ

РАССКАЗЫ ОСВОБОДИТЕЛЯ

Новое
издание,
дополненное
и переработанное

19 новых глав,
редкие архивные
фотографии

Виктор Суворов

Рассказы освободителя

«Добрая книга»

2015

УДК 94(47)
ББК 63.3(0)62

Суворов В.

Рассказы освободителя / В. Суворов — «Добрая книга», 2015

ISBN 978-5-98124-682-1

«Рассказы освободителя» — самая первая книга Виктора Суворова, вышедшая в свет в 1981 году на английском языке под названием «The Liberators» («Освободители»). Эта книга стала настоящей сенсацией: никто и никогда прежде не писал о повседневной жизни Советской Армии так откровенно и ярко. За 35 лет книга выдержала более ста изданий на двадцати трех языках. Новое, дополненное и переработанное издание книги, ранее публиковавшейся на русском языке под названием «Освободитель», выходит в свет под оригинальным авторским названием «Рассказы освободителя» и содержит 19 новых глав. «“Рассказы освободителя” — о том, как был я курсантом, как сидел на гауптвахте, как чистил генеральские сортиры, как стал офицером, как освобождал братскую страну, которая норовила с верного пути свернуть». (Виктор Суворов)

УДК 94(47)
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-98124-682-1

© Суворов В., 2015
© Добрая книга, 2015

Содержание

Предисловие к первому изданию на русском языке	7
Часть первая	11
Губа	11
Возвращение из коммунизма	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Виктор Суворов

Рассказы освободителя

© Виктор Суворов, 1978–2015.

© ООО «Издательство «Добрая книга», 2015 – издание на русском языке, оформление.

* * *

Неутомимому борцу за мир, Генеральному секретарю Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Председателю Президиума Верховного Совета СССР, Председателю Совета обороны СССР, Маршалу Советского Союза, лауреату Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», лауреату Ленинской премии по литературе, четырежды Герою Советского Союза, Герою социалистического труда, кавалеру ордена «Победа», восьми орденов Ленина, двух орденов Октябрьской революции, двух орденов Красного Знамени, орденов Богдана Хмельницкого, Отечественной войны и Красной Звезды, трижды Герою Чехословацкой Социалистической Республики, трижды Герою Германской Демократической Республики, трижды Герою Народной Республики Болгария, Герою Монгольской Народной Республики, Герою труда Монгольской народной республики, Герою Народно-Демократической Республики Лаос, Герою Республики Куба Брежневу Леониду Ильичу свой скромный труд посвящает автор

Редкой подлинности картина жизни и быта советской военищины.

Издательство YMCA-Press

Суворов рожден писателем, он напишет много хороших книг, сегодня он представляет нам свой первый шедевр.

Газета Times о первом издании книги Виктора Суворова «Освободители»¹ (Великобритания, 1981 г.)

Придет время, и манеру Суворова будут копировать, ему будут подражать. Эта перспектива не должна его смущать – он неподражаем.

Виктор Некрасов (Париж, 1982 г.)

Мы имели счастье много лет наблюдать Советскую Армию с близкого расстояния, мы многое о ней знали, о многом догадывались. Книга Суворова «Освободители», казалось бы, не открывает ничего нового. И все-таки – как интересно!

Gazeta Wyborcza (Польша)

Он [Виктор Суворов – Прим. ред.] обрисовал Советскую Армию скупыми мазками мастера.

Газета «Rzeczpospolita» (Польша)

---

¹ Эта книга впервые вышла в свет на английском языке под названием «The Liberators»; такое название сохранилось в большинстве зарубежных изданий книги. – Прим. ред.

Преподаватели побаивались его [Виктора Суворова – Прим. ред.] каверзных вопросов... Лично я, читая книгу «Освободитель»², был поражен, с какой точностью автор изобразил киевскую гарнизонную гауптвахту. Не скрою, самому мне пришлось там отсидеть в общей сложности пятьдесят с лишним суток.

Полковник Валерий Симонов, бывший начальник разведки 8-й гвардейской армии, однокашник Виктора Суворова по Киевскому высшему общевойсковому командному училищу (Газета «Московская правда». 31 июля 1994 г.)

Никто прежде не говорил о Советской Армии с такой откровенностью, отвергая любую цензуру, внешнюю и внутреннюю.

Виктория Шохина

---

² Под таким названием вышло первое издание книги в России. – Прим. ред.

Предисловие к первому изданию на русском языке

3

Ленин был врагом. Не простым врагом, но подлым, коварным, глубоко законспирированным вражиной. Обратим внимание на ленинское окружение, на тех проходимцев, с кем будущий вождь мирового пролетариата пил пиво в женевских кабаках и лондонских пабах, с кем дружбу водил, с кем в шалашах ошивался, с кем совершил государственный переворот и захватил власть.

В октябре 1918 года, в канун первой годовщины государственного переворота, массовым тиражом была издана почтовая открытка с портретами двенадцати главных вождей РСФСР – этакий парадный иконостас: Ленин в центре, одиннадцать апостолов вокруг³.

Вот кем впоследствии оказались ленинские приспешники.

Свердлов – подписал постановление о красном терроре, то есть о массовом истреблении всех неугодных. Убит (не исключено, что по приказу своих ближайших соратников).

Троцкий – изгнан из Политбюро и ЦК ВКП(б), исключен из партии, выдворен из страны и лишен гражданства, обвинен в организации убийств, терроризме, шпионаже, пособничестве фашистам, вредительстве. Смертельно ранен агентом НКВД.

Зиновьев – как следует из приговора советского суда, самого справедливого суда в мире, «организовал террористический центр для совершения убийств руководителей коммунистической партии и правительства СССР, подготовил и осуществил злодейское убийство Кирова». Ясно, что враг такого калибра был осужден и расстрелян.

Каменев – вместе с Зиновьевым «организовал террористический центр для совершения убийств вождей пролетариата». Осужден и расстрелян.

Рыков – обвинен в измене Родине, шпионаже, совершении диверсий, терроризме и вредительстве. Осужден и расстрелян.

Бухарин. На судебном процессе Генеральный прокурор СССР охарактеризовал его так: «Шпион и убийца, орудует философией, как толченым стеклом, чтобы запорошить своей жертве глаза перед тем, как размозжить ей голову разбойничьим кастетом». Осужден и расстрелян.

Радек, как следует из приговора, «вступал в сношения с иностранными государствами в целях организации совместной борьбы против Советского Союза, систематически занимался шпионажем и вредительством». Получил тюремный срок и был убит уголовниками в тюрьме (по приказу из Кремля).

Крыленко – обвинен во вредительстве и терроризме, осужден и расстрелян.

Покровский – умер своей смертью, однако впоследствии выяснилось, что «школа Покровского»⁵ была «базой вредителей, шпионов и террористов, ловко маскировавшихся при помощи вредных антиленинских исторических концепций».

Луначарский – умер своей смертью до начала Очищения, иначе был бы причислен к той же шайке злодеев, шпионов, террористов и вредителей.

Коллонтай – до самой смерти в 1945 году оставалась на дипломатической работе. Скептически относилась к семье, полагая, что женщины должны служить интересам класса, а не

---

³ Первое издание книги на русском языке вышло в свет в 1986 году в издательстве ОРИ (Париж) под названием «Рассказы освободителя». – *Прим. ред.*

⁴ См. изображение открытки на странице 1 вклейки 1, размещенной между страницами 80 и 81. – *Прим. ред.*

⁵ Это понятие впервые и сразу в негативном контексте появилось в официальном сообщении «В Совнаркоме Союза ССР и ЦК ВКП(б)» 27 января 1936 г., где осуждались «ошибочные исторические взгляды, свойственные так называемой “исторической школе Покровского”». В связи с такой постановкой вопроса были уничтожены не только ученики Покровского, но и те историки, которые активно критиковали Покровского при его жизни. – *Прим. ред.*

обособленной ячейке общества. «Судебная и психиатрическая медицина давно знает этот (ангелоподобный) тип среди прирожденных преступниц и проституток» – писал о Коллонтай в своем дневнике Иван Бунин⁶.

Все они – Зиновьев и Каменев, Троцкий и Рыков, Радек и Бухарин, – на поверку оказались мразью, гнусными предателями, подлыми вредителями. Они залили страну реками крови, истребив миллионы своих сограждан. Это удалось им только потому, что они вознеслись на вершины ничем не ограниченной власти.

Кто же их вывел туда?

Сами пролезли. Под руководством Ленина.

Ленинских приспешников, всю так называемую «ленинскую гвардию» пришлось уничтожить: кому пулю в затылок, кого головой о бетонный пол, кому ледорубом по черепу.

«Зловонная куча человеческих отбросов» – так самый справедливый в мире советский суд охарактеризовал ближайших соратников вождя революции.

Кем же в таком случае был Ленин? Получается, что он был центром и вершиной зловонной кучи. На процессах над врагами народа было неопровержимо доказано, что большинство тех, кто делал революцию вместе с Лениным, были агентами иностранных разведок. Выходит, Ленин был главарем этой гнусной шайки, шпионским резидентом.

Три десятка лет с врагами народа боролся товарищ Сталин. Он истребил несметные толпы вредителей и шпионов. Но чем больше врагов уничтожал Сталин, тем больше их становилось. Да и сам Сталин оказался кровавым тираном. Он был убит своими верными учениками и соратниками. Коммунистическая партия Советского Союза на своих исторических съездах развенчала культ личности Сталина. По решению лучших представителей коммунистической партии, собравшихся в Кремле на съезд, тысячи памятников Сталину, гранитных и мраморных, бронзовых и чугунных, железобетонных и гипсовых, были разбиты, раздроблены, переплавлены, его портреты порезаны, его сочинения сожжены, а его труп вынесен из мавзолея.

После убийства Сталина вдруг выяснилось, что ближайший друг и соратник «гения всех времен и народов», Маршал Советского Союза Берия Лаврентий Павлович, главарь всех истребителей врагов, сам оказался врагом. Берия и всю его шайку пришлось расстрелять.

Кстати, предшественники Берии на посту верховного борца с врагами тоже все оказались врагами. Их пришлось изводить целыми поколениями: дзержинцев и менжинцев – руками Ягоды, «ягодинское отродье» (это не ругательство, а официальный юридический термин) – руками Ежова, ежовцев – руками Берии.

О том, насколько органы борьбы с врагами народа были заражены шпионажем и вредительством, говорит такая статистика. В 1935 году в НКВД были введены специальные звания. Для высших руководителей НКВД были установлены звания комиссаров Государственной безопасности 3-го, 2-го и 1-го ранга, для самого главного – звание Генерального комиссара Государственной безопасности. Звания комиссаров ГБ, от 3-го ранга до Генерального включительно, в тот момент получил 41 высший руководитель НКВД. Из них:

- один бежал в Манчжурию и позже был убит японцами,
- один был убит боевыми товарищами в кабинете старшего начальника,
- один сошел с ума и умер в сумасшедшем доме тюремного типа,
- трое покончили жизнь самоубийством (Мазо, Погребинский, Каруцкий),
- 35 человек расстреляны по обвинению в шпионаже, организации заговоров и террористической деятельности.

Врагов надо ликвидировать. С этим не поспоришь. Проблема в том, что и те, кто врагов ликвидировал, вновь и вновь на поверку оказались врагами родной коммунистической пар-

---

⁶ Дневниковые записи, которые Бунин делал в Москве и Одессе с 1918 по 1920 год и в которых он выражал крайнее неприятие большевиков и их вождей, изданы в виде книги «Окаянные дни». – *Прим. ред.*

тии и советского народа, проходимцами, развратниками, примазавшимися карьеристами, беспринципными интриганам, волюнтаристами, о которых даже стыдно вспоминать.

Сотни миллионов людей во времена Ленина и Троцкого, Сталина и Берии, Маленкова и Хрущёва считали, что служат своей Родине, своему народу. Вы ошибались, дорогие товарищи. Вы служили врагам народа, вы служили мерзким ничтожным людишкам, предателям и шпионам. Вы выполняли явно преступные приказы врагов Отечества.

А потом наступила другая эпоха. Проходимцев и карьеристов разогнали, и на вершину власти поднялся великий политик, блистательный полководец, выдающийся борец за мир товарищ Брежнев Леонид Ильич.

Все любили Брежнева, и я любил.

Все кричали «ура», и я кричал.

Потом, почувствовав неладное, сбежал.

Теперь выясняется, что это было правильное решение. Оказывается, Леонид Ильич действительно был политиком ленинского типа, то есть вершиной и центром кучи зловонных человеческих отбросов, главарем преступной шайки, которая погрязла в роскоши и коррупции, доведя страну до экономической катастрофы.

Некоторые удивляются моей проницательности: как же я смог понять, что Брежнев был проходимцем, во времена, когда все его так любили? Никакого секрета: я его вычислил.

И если ты, мой читатель, сейчас служишь новым вождям, то вот тебе мое предсказание: настанет время, и очень скоро, когда те, кому ты служишь, окажутся в длинном списке врагов нашего народа.

Не веришь? Тогда сам займись статистикой. Копни архивы области, в которой живешь, загляни в архивы своего родного города или деревни, полка, в котором служишь, завода или колхоза, где работаешь, и увидишь, что все, кто правил, с ленинских времен, оказались врагами. Это следует из протоколов их собраний и съездов, из газеты «Правда».

Кстати, «Правду» во все времена издавали враги народа. В каждой роте и батарее была ленинская комната, а в ней – огромный портрет Ленина: прищулив лукавые глазенки, вождь читает «Правду».

Уже за одно это вождя можно было бы к стенке ставить, ибо он читал антисоветчину: в то время «Правду» возглавлял и редактировал отпетый вражина Бухарин, позже разоблаченный и расстрелянный. Ленин проявил полное отсутствие революционной бдительности и политическую близорукость, читая и нахваливая то, что ему подбрасывали враги.

Я был комсомольцем. Любопытства ради я собрал сведения обо всех руководителях Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи и понял, что эта организация всегда находилась в руках врагов. Рывкин и Щацкин, Смородин и Чаплин, Мильчаков и Косарев, Шелепин и Тяжелников – все в конечном итоге оказывались иностранными агентами, авантюристами, карьеристами и проходимцами.

Я пошел в армию и с ужасом обнаружил, что ее создал злейший враг пролетариата Лев Троцкий.

Я вступил в партию и ради все того же интереса собрал сведения обо всех, кто носил титул члена Политбюро. Оказалось, что в этой грязной шайке уровень самоубийств выше, чем в любой другой социальной группе на нашей планете.

Куда бы меня ни бросала судьба, я постоянно попадал в организации врагов и вредителей. Я обнаружил, что все, кто стоял над нами, с ленинских времен в конечном итоге непременно оказываются врагами. Чтобы не выполнять их преступных приказов и не наносить вред своему народу, я и бежал от врагов.

О своей жизни, о своей стране и ее армии я написал несколько книг и продолжаю писать. Эта книга – самая первая. Ее опубликовали на английском языке в 1981 году. Затем она выходила в свет на многих языках мира, даже на японском. Эта книга давно проникла за желез-

ный занавес и вернулась туда, откуда я бежал. Ее издавали на польском языке в подпольных типографиях не покорившейся коммунистам Польши, ее читают в Венгрии и Чехословакии. Теперь, наконец, в Париже книга выходит и на русском языке. Этого момента я ждал много лет. Книгу писал прежде всего для своих соотечественников, которые все еще находятся под властью врагов, не подозревая об этом.

Свято верю, что наступит день, когда наш народ сбросит врагов и освободится от их власти. Режим проходимцев и вредителей когда-нибудь неизбежно рухнет.

К этому делу я тоже приложил руку.

Виктор Суворов. Лондон, 13 сентября 1986 года

Часть первая

Губа

Контрольно-пропускной пункт Киевского высшего общевоинского командного дважды Краснознамённого училища имени Фрунзе. 25 марта 1966 года

1

– Служивый!

– Ну?

– Хвост гну! Вставай.

Закрываясь рукой от слепящего солнца, стараюсь оттянуть момент пробуждения.

– Я ночь в наряде стоял, мне сон по уставу положен – четыре часа.

– Хрен тебе в карман положен. Вставай, говорю. Арестовали нас всех.

Сообщение об аресте не произвело на меня решительно никакого впечатления. Я лишь отчетливо осознал, что добрых полтора часа как компенсация за бессонную ночь для меня безвозвратно потеряны. Сел на твердой кушетке. Потер лоб и глаза кулаком. Голова раскалывалась от недосыпа.

Зевнул, потянулся до хруста в суставах, вздохнул глубоко, чтобы окончательно рассеять сон, и, вертя головой, чтобы размять шею, поинтересовался:

– Сколько дали?

– Тебе пять.

– Повезло тебе, Витя. Нам с Сашком по десять суток припаяли, а Толян, сержанту, все пятнадцать.

– Хреновая у нашего брата сержанта в училище жизнь: получаешь на пятерку больше, а сношают на четвертной.

– А автомат-то мой где? – хватился я.

– Да все уж в роте: и автоматы, и подсумки, и штыки. Сейчас старшина принесет вещевые и продовольственные аттестаты, в баньку, на стрижку и вперед!

В основной комнате контрольно-пропускного пункта срочно снятые с занятий первокурсники принимали документацию, пересчитывая папки с инструкциями. Их сержант деловито и сочувственно слушал нашего, участливо кивая головой.

– Глаз с него не спускал, команду проорал насколько глотки хватило, и ворота мои соколки открыли борзо, и глазами его пожирала аки львы рыкающие. Так на ж тебе, ни за хвост собачий пятнадцать всади, а соколам по десятке. Ну, ладно, Коля, служи!

Наши ребята из караула зашли за нами и под конвоем повели на стрижку и в холодную баню.

2

В «приемном покое» Киевской гарнизонной гауптвахты чистота ослепительная. Вызывали по списку, в котором я оказался первым.

– Товарищ младший лейтенант, курсант Суворов для отбытия наказания на гарнизонную гауптвахту прибыл!

– Сколько?

– Пять суток ареста!

– За что?

«Тьфу ты, черт! – мелькнуло в голове. – И в самом деле, за что же это меня?»

Младший лейтенант с необычно широким лицом и удивительно маленькими ногами нетерпеливо буравит меня свинцовыми глазками.

– За что? – повторил он.

– Не могу знать!

– А кто арестовал?

– Не могу знать!

– У меня узнаешь, – ласково пообещал младший лейтенант. – Следующий!

Вошел мой сержант.

– Товарищ младший лейтенант, сержант Макеев⁷ для отбытия...

– Сколько? – оборвал мордастый.

– Пятнадцать суток ареста!

– Кто дал?

– Первый заместитель командующего Киевским военным округом генерал-полковник Чиж!

– За что?

– Мы охраняли контрольно-пропускной пункт училища.

– А, – понимающе улыбнулся младший лейтенант. Он-то знал, да и все три армии округа знали манеру генерал-полковника Чижа арестовывать наряды контрольно-пропускных пунктов. Злые языки утверждали, что он арестовывал только наряды КПП, но арестовывал всегда, при любом посещении любого училища, батальона, полка, дивизии, любого полигона, стрельбища, склада – чего угодно; везде, где генерал-полковник Чиж проезжал контрольно-пропускной пункт, он непременно арестовывал весь наряд. И сроки давал стандартные: начальнику смены – пятнадцать суток ареста, бодрствующей смене – по десятке, спящим – по пятерке. Продолжалось это долгие годы. Все три армии и многочисленные отдельные части, подразделения, военные учреждения и организации подозревали, что заместитель командующего добивается для себя какой-то не предусмотренной Уставом церемонии встречи, но чего ему хочется, никто догадаться так и не сумел за все годы его пребывания на этом высоком посту.

На пороге приемного покоя появились два совершенно звероподобных ефрейтора, и прием начался.

– 10 секунд... Раздевайсь!

Сапоги, ремни, шапки, шинели – все мгновенно полетело на пол. И вот мы в чем мать родила встали перед мордастым.

– Кру-гом! Наклонись! Раздвинь! – младший лейтенант Советской Армии исследует наши задницы. На губе курить нельзя, злостные курильщики иной раз, завернув обломок сигареты в бумажку, надеялись пронести его на губу в заднице. Хитрость эта давно известна губному руководству и пресекается немедленно и беспощадно.

Звероподобные ефрейторы завершили тем временем краткий, но предельно тщательный осмотр нашей одежды и обуви, брошенной на пол.

– 15 секунд... Одевайсь!

Если тебя арестовали не в городе, а в части или в училище, и ты проходишь стандартную подготовку к отбыванию наказания – получаешь продовольственный и вещевой аттестаты,

---

⁷ Чтобы не навредить своим товарищам, в предыдущих изданиях этой книги я изменял место и время действия, менял имена и фамилии. Сейчас можно назвать настоящие имена. Сержант Макеев – мой добрый приятель Толя Магальяс, старший сержант, заместитель командира 2-го взвода 4-й роты. После выпуска наши пути разошлись. Мы оба попали в Прикарпатский военный округ, но в разные дивизии. Затем встретились в Военно-дипломатической академии Советской Армии, о существовании которой никогда открыто не сообщалось. Он завершил службу генерал-майором ГРУ. – *Прим. автора.*

идешь на стрижку и в баню, – найди пять минут, чтобы сменить свои сапоги на бóльшие. Любой, зная, что тебя ждет, отдаст свои. Взяв твои меньшие, он будет страдать, может, не меньше тебя, терпеливо дожидаясь твоего возвращения. Но большие сапоги – спасение на губе. Если ты с трудом натягиваешь сапоги, то не поспеть тебе в те секунды: одевайся! Раздевайся! И пять суток ареста могут превратиться в десять, а то и в пятнадцать. Это явление обычное и именуется оно «дополнительный паек», или ДП для краткости.

– Документы на стол!

– Ефрейтор, примите ремни!

На губе все живут без ремней, чтоб не удавились. Правда, в истории Киевской губы был один очень изобретательный узник, который в одиночной камере, где не было ничего, кроме привинченной к полу табуретки, оторвав нижний прошитый рубчик гимнастерки, смастерил себе короткую и тонкую, но очень прочную веревочку. Все это он делал очень осторожно, под почти постоянным наблюдением выводных, которые круглосуточно патрулируют в коридоре. После этого он сделал маленькую петельку, конец которой привязал к ножке табуретки. Минут десять он катался по полу, закручивая петлю. А все ж таки удавился!

– Деньги, часы?

Нет, мы такое на губу не берем, все равно отберут, а потом чужие, поломанные выдадут. Жаловаться некуда.

– Ефрейтор Алексеев⁸!

– Я!

– Первым делом всех этих служивых на дровишки.

– Есть, товарищ младший лейтенант!

По необычно чистому заасфальтированному двору нас провели в небольшой хозяйственный дворик, окруженный очень высокой кирпичной стеной.

Первое, что сразило меня, – ослепительный порядок. Все дрова, уже напиленные, были сложены настолько аккуратно, что их торцы образовывали почти идеально ровную стенку. Каждое поленье отрезалось точно по эталону – 28 сантиметров, и отклонение в 3–4 миллиметра считалось браком, который жестоко пресекался. Все эти поленья через день все равно пойдут в печку, и такая точность их нарезки никому не нужна, но порядок есть порядок.

Те дрова, что нам предстояло с такой же точностью порезать и сложить, были привезены день-два тому назад, но и они не были свалены в кучу, но сложены с неопишуемой любовью и даже, я бы сказал, искусством. Прежде всего, они были рассортированы по толщине: самые толстые – внизу, на них – все более и более тонкие, а на самом верху поленницы – самые тоненькие. Но те, кто поленницу складывал, обладали, видимо, тонким художественным вкусом. Они учли и цвет поленьев: те, что справа, были самыми темными, дальше, по мере перехода влево, располагались все более и более светлые. Нам предстояло это произведение искусства развалить, все дрова нарубить и нарезать по эталонам и вновь уложить.

Тут же, во дворе, лежала совершенно немыслимой формы коряга, похожая на все что угодно, кроме дерева. Это было фантастическое переплетение канатов или шлангов, или чего-то еще очень гибкого. Сучья были переплетены настолько затейливо, что с трудом верилось в способность природы создать такое чудо. При всей сложности переплетения сучьев, живо напоминающих клубок змей, коряга сохраняла предельно высокую твердость и прочность всех

---

⁸ Имена тех, кого щадить было незачем, я не менял. Первым заместителем командующего войсками Киевского военного округа действительно был генерал-полковник Чиж Владимир Филиппович, тот самый, который в 1954 году в Тощих лагерях командовал 128-м стрелковым корпусом на учениях с реальным применением ядерного оружия (подробнее об этом читайте в книге «Против всех» (М: Добрая книга, 2013)); начальником киевской гарнизонной гауптвахты в описываемый период был капитан Мартыянов, его заместителем был младший лейтенант Киричек, самым свирепым из постоянного состава был ефрейтор Алексеев. Не я один запомнил этих славных блюстителей порядка на всю жизнь. – *Прим. автора.*

своих элементов. Она лежала во дворе, видать, не одно десятилетие, о чем свидетельствовали тысячи старых и совсем свежих надрезов пилой.

Каждый, кто проявлял строптивость, не до конца осознав, куда он попал, получал задачу нарезать дровишек, то есть распилить корягу. Вдобавок ко всему задачу эту ставили только одному человеку, никогда двоим сразу; и этот один получал для работы длинную, гибкую, но предельно тупую пилу, которой могут работать только два человека, но не один. Через час кто-нибудь из руководства губы приходил проверить, как идут дела, удивлялся, что еще ничего не сделано, после чего следовало наказание.

Когда мы вошли во двор, какой-то чернявый солдатик тщетно пытался сделать на поверхности коряги хотя бы один надрез. Его забрали минут через двадцать как не желающего работать.

В зависимости от настроения руководства действия неудачливого лесопильщика могли быть квалифицированы любым образом – от нежелания работать и пререкания с руководством (если он попытается доказать, что напилить дров такой тупой пилой невозможно) до категорического отказа выполнять приказы командования и даже попытки подрыва экономики страны. После этого начальник гауптвахты или его заместители могут сотворить с несчастным все, что им придет в голову.

А коряге этой выпала долгая жизнь. Я уверен, что она и сейчас лежит на том же самом месте, и какой-то несчастный тщетно пытается ее распилить. Закусил он губу, на глаза слезы навернулись, лицо перекошено. А время истекает...

Начав пилить дрова по эталону 28 сантиметров, мы узнали еще об одном очень интересном правиле. Мы-то хотели все напилить, наколоть, разложить поленья по толщине и по цветам, а уж потом подмести все опилки.

– Не-е-ет, так дело не пойдет! У нас так не принято! Порядок должен быть всегда!

Так и пошло. Отпилишь одно поленце – собери опилки, руками. Отпилишь второе – снова все собери. Ни веников, ни метелок нам не давали.

А к уникальной коряге конвой тем временем все водил и водил строптивых по одному: а напили-ка, брат, дровишек!

Часам к семи двор зашумел. Прибывали машины с губарями, которые весь день на морозе работали на бесчисленных объектах: кто на танкоремонтном заводе ленты гусеничные таскал, кто эшелоны со снарядами разгружал. Замерзших, мокрых, голодных, смертельно уставших, всех их по прибытии немедленно ставили в строй, ибо после работы положены занятия – три часа без перерывов. В общий строй поставили и нас; именно с этого момента и начинается для губаря отсчет времени, весь рабочий день до этого момента – лишь разминка.

Киевская губа знает только два вида занятий – строевую подготовку и тактику. Я не говорю здесь о политической подготовке оттого, что она не каждый день, а лишь два раза в неделю по два часа, и не вечером, а утром, перед работой, но о ней рассказ впереди. А пока строевая и тактика.

Полтора часа строевой – занятие совершенно изнурительное. Примерно сотня губарей в колонну по одному по кругу не идет, а именно рубит строевым шагом, задирая ногу на невыносимую высоту. Во дворе, кроме губарей, никого – ни начальников, ни конвоя, – но двор содрогается от их мощного топота.

Изредка кто-нибудь из штатных звероподобных ефрейторов выглянет на крылечко:

– Эй ты, ушастый! Да не ты, вот ты! Фильм «Обыкновенный фашизм» видал? То-то. А вот что-то у тебя, голубь, не получается так ходить, как люди-то в фильме строевым выбивали! Ну-кась потренируйся пока на месте.

Ушастый должен выйти в центр двора и топать на месте так, чтобы колени поднимались чуть ли не к груди. После такого распоряжения все, кто продолжает отбивать шаг по периметру внутреннего двора, рвение удваивают. Дело в том, что в центре двора асфальт несколько ниже,

чем по краям, – это личная инициатива маршала Гречко в ту пору, когда он еще был генералом, командующим Киевским округом. Идея проста и гениальна: во время дождя и таяния снега посреди двора губы всегда образуется большая глубокая лужа. В летнее время, когда нет дождей, воды туда добавляют под предлогом поливания двора. Тот, кто оказался в центре двора, должен маршировать прямо в луже. Если там собирается человек пять, то они не только сами по уши вымокнут, но и брызгами порядочно намочат всех остальных, марширующих вокруг. Сушиться на губе негде, и топят ее только днем, когда губари на работе; к вечеру, когда они возвращаются в камеры, печки (а батарей там нет) давно уже холодные. «Гречкин бассейн» я испытал на собственной шкуре в марте, когда днем снег таял, а по ночам скрипели морозы.

Строевая подготовка проводится каждый день без выходных при любой погоде и при любой температуре, как, впрочем, и все другие «мероприятия». Полтора часа строевой подготовки при нашем стандартном темпе 60 шагов в минуту – это 5400 шагов, и каждый из них с максимальным подъемом ноги и невыносимым оттягиванием носка, ибо в центр-то двора никому неохота. За это строевая подготовка и именуется «индивидуальным зачетом». А за ним следует «коллективный зачет» – тактика.

Тактика в отличие от строевой подготовки базируется не на личном страхе каждого, а на социалистическом соревновании коллективов, и оттого она выматывает куда больше, чем строевая.

Занятия по тактике сводятся к отработке одного тактического навыка – переползания по-пластунски, то есть так, чтобы и голова, и все тело были максимально прижаты к грунту, в нашем случае – к асфальту. Руки и ноги должны двигаться проворно, а все тело – извиваться, как тело ящерицы.

Итак, переползание. Каждая камера сейчас – стрелковое отделение.

– Ориентир – береза! Отделение, к ориентиру по-пластунски... вперед!

Секундомер выключается, когда к ориентиру приползет последний из отделения, и если время отделения окажется неудовлетворительным, то последнему ночью камера устроит битие, ибо в социалистическом мире битие определяет сознание.

– Ну что ж, время неплохое, – чумазые, мокрые от пота, задыхающиеся губари, высунув языки, улыбаются, – но придется отделению время не засчитать: вот этот красавец задницу слишком оттопыривал, всё на карачках ползти пытался.

Что ж, красавцу ночью битие обеспечено – за то, что подвел коллектив камеры в социалистическом соревновании.

– Ну-кась, отделение, еще разок попробуем. На исходный рубеж бегом... арш! Ориентир – береза! Отделение, по-пластунски к ориентиру... Вперед!

– А вот на этот раз время хуже! Что ж, потренируемся.

В конце занятий начальник губы или его заместитель подводят итоги, худшей камере объявляют сперва фамилию того, из-за кого она сейчас примет испытание, затем следует команда:

– Ориентир – дуб...

Дуб – это значит надо ползти прямо через центр плаца, прямо по ледяной воде, прямо через водную преграду, изобретенную гениальным полководцем Гречко. Горазд был на выдумки товарищ Гречко!

3

Солдат Советской Армии кормят хуже, чем любых других солдат в нормальных странах, и в первый день на губе, после того, как целый день голодным он провел на морозе, после немыслимых нагрузок даже привыкший ко всему солдат не может все-таки побороть в себе отвращения к тому, что на губе принято называть ужином.

В первый вечер он не может прикоснуться к тому, что называется пищей. Он еще не готов смириться с тем, что есть надо не из отдельной, пусть даже собачьей, миски, а из общей кастрюли, куда налито месиво, отдаленно напоминающее суп или кислые щи. И пока в нем борются голод и чувство отвращения, следует короткая команда: «Встать! Выходи строиться!» После короткого гнусного мероприятия под названием «ужин» следует вечерняя поверка.

Под потолком коридора в морозной дымке тускло мерцают желтоватые лампы. Губа построена. Губа не шелохнется. Вечерняя поверка! Губа ждет команду! И после беглой переключки команда следует!

– Десять секунд... Раздевайсь!

И откуда только в этот момент берется прыть у до смерти уставших людей? Это удивительно, но сотне человек вполне хватает десяти секунд для того, чтобы полностью раздеться догола. Правда, каждый губарь долго и тщательно готовится к этой команде. Еще во время ужина он тайком расстегнул по одной пуговице на рукавах, чтобы по команде на каждом рукаве пришлось расстегнуть не по две, а лишь по одной пуговице. Все пуговицы на воротах гимнастерки лишь кажутся застегнутыми, а на самом деле краешек каждой пуговицы уже утоплен немного в петельку: лишь дернул за ворот, а все пять пуговиц сразу и расстегнулись. Великое дело – опыт! Каждый солдат знает десяток таких хитростей.

– Первая шеренга, три шага вперед, шагом марш! Вторая шеренга, кру-гом!

Обе шеренги уперлись лицом к противоположным стенкам коридора. Голые. По бетонному полу ветер гонит редкие снежинки.

– Наклонись! Раздвинь!

И пока борзые ефрейторы, почти как на советской таможне, роются в брошенных на пол гимнастерках, брюках и грязных портянках, капитан Мартьянов, начальник гауптвахты, или его заместитель младший лейтенант Киричек проводят священный ритуал осмотра наших задниц. Операция ответственная: а вдруг кто на работе гвоздь подобрал, в заднице его пронес, а ночью кровушку себе пустит на нарах? Днем-то конвойный за ним все время смотрит, а ночью хоть камеры и освещены слепящим светом, но до беды недалеко. Или кто окурочек в задницу заначил да ночью и закурит потихоньку!

Операция эта требует особой сноровки; видать, поэтому ефрейторов к ней не допускают, пусть в грязном белье роются, а тут только офицер Советской Армии может справиться!

– 15 секунд... Одевайсь!

Губу разводят по камерам, и начинается оправка.

4

Губа – не тюрьма. Тут параша не положена.

Разница между тюрьмой и губой огромная. Тюремщики имеют много времени для воздействия на заключенного. Руководство же губы во времени ограничено, поэтому оно, естественно, стремится максимально насытить программу пребывания солдата на губе и потому использует любые или даже все без исключения естественные человеческие потребности в воспитательных целях. Для максимального усиления воспитательного воздействия отправление естественных надобностей на губе превращено в ритуал, который проводится под зорким надзором руководства.

После развода губарей по камерам конвой и постоянный состав губы, иногда включая самого начальника, занимают свои посты, и ритуал начинается. Гремя замками, в камеру входят ефрейтор и двое конвойных. Губари построились и подравнялись, как на параде. Ефрейтор нехотя тычет в грудь первому грязным пальцем:

– Пошел!

Губарь, сорвавшись с места, несется по коридорам и лестницам. Конвой на всех углах и поворотах подбадривает его:

– Быстрей!

– Быстрей!

– Быстрей!

Губаря уговаривать не надо: он-то знает, что в любой момент за недостаточную скорость его могут вернуть обратно, иногда остановив у самой заветной двери.

– Видать, не очень тебе, голубь, туда хочется, а ну кругом в камеру!

Навстречу тебе уже несется по лестницам следующий, только пятки сверкают. Закончив с одной камерой, ефрейтор с конвоем запирают дверь и отправляются в следующую камеру. Часто ефрейтор может «забыть» отправить в туалет одного-двух в камере, а иногда и пропустить всю камеру. Жаловаться, однако, некому, ибо все происходит без нарушения советских законов.

Категорически утверждаю: на советских гауптвахтах не нарушается ни одна норма закона. Взять хотя бы оправку.

Самая демократическая в мире советская конституция гарантирует всем гражданам право на труд, например. Где, как не на губе, ты можешь всласть упиваться этим правом?

Или, допустим, право на образование. Хочешь или не хочешь, а три часа в день отдай строевой и тактической подготовке да плюс к тому два раза в неделю политическая подготовка. Это ли не образование?

Или, к примеру, право на отдых. Везут тебя каждый день на работу или с работы, вот и спи-отдыхай, или ночью на нарах отдыхай до самого подъема, аж до 5:30, если, конечно, тебя не загребли ночью для реализации твоего конституционного права на труд.

Но вот об отправлении естественных надобностей ни в Конституции, ни в любых других советских законах, уставах, приказах, инструкциях и руководящих документах абсолютно ничего не сказано. Так и не требуй ничего сверх положенного! Или ты против наших советских порядков?

– Конвой, ко мне!

5

Наконец, после оправки следует то, о чем губарь мечтает весь день с первого мгновения пробуждения – отбой!

Вновь гремит замок, вновь в камере появляется ефрейтор с конвоем. Камера построена, и старший по камере докладывает всемогущему ефрейтору о готовности «отбиться».

Следует еле слышная команда, только слабое шевеление губами – понимай как знаешь. Но камера понимает. Сзади за нашими спинами, примерно в метре, – край деревянных нар. По команде, которую мы воспринимаем скорее зрением, чем слухом, все десять человек, стоявшие спиной к нарам, совершают умопомрачительный трюк: прыжок назад на нары. Ни сгруппироваться, ни взмахнуть руками нет ни времени, ни места: все стояли в строю, тесно прижатые друг к другу. Из этого положения и совершается прыжок назад, в неизвестность. Хрен же его знает, обо что предстоит стукнуться головой: о край деревянных нар при недолете, о кирпичную стенку при перелете или о ребра, локти и черепа сокамерников при точном прыжке. А самое неприятное то, что совершенно нет времени развернуться лицом к голым доскам, а посему совершенно невозможно смягчить удар, который в этом случае всегда внезапен.

Слышится треск голов и сдавленный писк, но каждый застывает в позе, в которой коснулся нар. Жуткая боль в плече и совершенно невыносимая – в колене. Головой не врезался – и то хорошо. Глухая тишина вдруг разрывается грохотом падающих на доски тел: это сосед-

нюю камеру тренируют, видать, ефрейтору не очень их отбой понравился. А пронесет ли нас сегодня?

– Подъем.

Команда подается предельно тихим голосом, и вся камера из горизонтального положения оказывается в вертикальном. И мгновения не прошло – все стоят подтянутые, заправленные, выровненные, готовы выполнить любое задание коммунистической партии и советского правительства! Видать, подняли нас вон из-за того жирного солдата в летной форме. Из штабных писарей, видать, падла поднебесная, мы тебя ночью сами потренируем! Будешь знать, как команды выполнять!

– Отбой.

Вновь слышится грохот падающих на нары тел и сдавленные стоны. Вновь вся камера цепенеет в положении, в котором десять тел коснулись нар. Ах, досада! Жирный писарь не долетел! Прыжок у него был мощным, но тело слишком жирное для солдата. Он здорово ударился боком о края нар и застыл в такой позе. Руки по швам, туловище на нарах, а ноги полностью свисают. На лице – ужас и страдание. Ну, ты у нас, боров, пострадаешь ночью! Для тебя все еще впереди!

Между тем ноги толстого писаря понемногу опускаются вниз, неумолимо приближаясь к бетонному полу. Солдат собирает весь остаток сил для того, чтобы, не шевельнувшись резко, попытаться перенести центр тяжести тела на нары. Ефрейтор терпеливо дожидается исхода этого балансирования. Вся кровь приливает к лицу толстого, он вытягивает шею и весь корпус, стараясь незаметно подтянуть ноги. Несколько мгновений кажется, что его вытянутое, как линейка, тело перевесит чуть согнутые ноги, но в следующий момент ноги вновь начинают уходить вниз и, наконец, край подошвы мягко касается пола.

– Подъем... Что ж ты, братец, спать-то не хочешь? Тебе командуют отбой, все, как люди, ложатся, а тебя, служивый, на сон не тянет. Приходится из-за тебя людей тренировать. Ну что ж, пойдем, я тебя повеселю... отбой.

Команда подается тихо и внезапно в расчете на то, что мы потеряли бдительность. Но мы эти штучки наперед знаем. Нас тут не проведешь. Мощный прыжок девяти человек, грохот и оцепенение. Лязгает замок, и я мгновенно засыпаю, прислонившись щекой к доскам, отполированным телами тысяч моих предшественников.

6

На губе нет снов. Только глубокий провал, только полное отключение всего организма. Всю ночь в камерах горит слепящий свет. Нары голые. Между досками просветы по три пальца. Холодно. Укрываться приходится только своей шинелью, ее же разрешается положить под голову и под бока. Шинель мокрая. И ноги мокрые. Голод не чувствуется – это ведь только первый день прошел.

Губа – не тюрьма. В тюрьме люди сидят в камерах значительно дольше, притерлись друг к другу, и поэтому там складывается какой ни есть, а коллектив. Во-вторых, в тюрьме содержатся люди, которые хотя бы однажды восстали против закона, против общества, против режима. На губе – запуганные солдаты вперемешку с курсантами. А курсачи – это люди, которые добровольно готовятся стать самой бесправной частью общества – советскими офицерами. С ними можно делать все что угодно. Все, кто сидел на губе и с кем мне удалось потом обсудить то, что я там видел, уверены, что режим на любой из тысяч советских гауптвахт может быть значительно усилен без всякого риска организованного сопротивления со стороны губарей, особенно в крупных городах, где курсанты составляют большинство.

Проснулся я среди ночи, но не от холода и не от жуткой вони девяти грязных тел, впрессованных в тесную камеру, которую не проветривают годами. Нет, проснулся я от нестерпимого желания посетить туалет. Это от холода такое бывает. Полкамеры уже не спит. Подпрыгивают, пританцовывают. Самые закоренелые оптимисты тихо, шепотом, через глазок упрашивают выводных смиловаться и отвести их в туалет. Выводные, однако, неумолимы, ибо знают, что их ждет за излишнюю мягкость.

На губе нет параш, ибо тут не тюрьма, а воинское учреждение. И посещает это учреждение высокое начальство. Чтоб означенное начальство не вырвало случаем от вони, параша не используются. Теоретически предполагается, что выводной (на то ведь и название придумано) должен иногда ночью губарей в туалет по одному выводить. Эта мера, однако, может начисто подорвать все воспитательное воздействие такого важного мероприятия, как оправка. Оттого-то и пресекаются попытки либеральных выводных (а это те же курсанты, ежесуточно сменяемые) откликаться на мольбы из общих камер.

Камеры подследственных, подсудимых и осужденных – другое дело. Сидящих в них выводят по первой просьбе. С одиночными камерами хуже. Но и оттуда иногда ночью выводят. Наверное, потому, что там психи сидят, которые на все готовы. А вот к общим камерам совсем другое отношение. Из них ночью никогда не выводят, ибо конвой знает, что арестанты, боясь общей ответственности, никому не позволят оправляться в камере. Убежден, что песня

Вы-вод-ной,
Отведи в сортир,
Родной!

рождена не тюрьмой, а гауптвахтой. Неважно какой, Киевской или Ленинградской, Берлинской, Читинской или Улан-Баторской, важно то, что песня эта старая и популярна во всей Советской Армии.

Между тем тяжелый засов лязгнул, что могло означать или непонятную милость конвоя или его гнев по поводу настойчивых просьб. Все, кто мгновение назад приплясывал в камере, как коты бесшумно запрыгнули на нары и притаились, прикидываясь спящими. В камеру, однако, просто втолкнули толстого писаря, который почти всю ночь чистил сортиры после оправки, и дверь вновь захлопнулась.

Толстый писарь совершенно измучен, в его красных от недосыпа глазах слезы, и его толстые щеки трясутся. Он, кряхтя, забрался на нары и, коснувшись грязной щекой жесткой доски, мгновенно отключился.

Камера тем временем вновь ожила. Я вместе со всеми затанцевал от нетерпения.

– Падла штабная, выссался в сортире, а теперь дрыхнет.

– Сука жирная, службы никогда не видал, и тут лучше всех устроился.

Всем, кто уже проснулся, спать хотелось даже больше, чем жить, ведь только сон может сохранить остаток сил. Но только один из нас спал сейчас. Оттого ненависть к нему вскипела у всех одновременно и мгновенно. Высокий солдат-автомобилист снимает свою шинель, накрывает голову мгновенно уснувшего человека. Все мы бросаемся к нему. Я вскакиваю на нары и бью ногой в живот, как по футбольному мячу. Лишенный возможности кричать, он лишь скулит. На шум возни к двери нашей камеры медленно приближаются шаги выводного. Его равнодушный глаз созерцает происходящее, и шаги так же медленно удаляются. Выводной – свой брат-курсант; наверное, сам не раз сидел. Он нас понимает и в этом вопросе полностью

с нами солидарен. Он и сам бы не прочь войти в камеру да приложиться разок-другой, только вот не положено это, чтобы конвой руки распускал! Пресекается это.

Сейчас, наверное, часов пять утра. До подъема минут тридцать осталось. Самое тяжелое время. Ой, не выдержу! Кажется, все камеры уже проснулись. Наверное, сейчас во всех камерах бьют тех, кто оказался худшим на тактике или на работе, на вечерней поверке или отбое.

* * *

Первое утро на губе, как ждали мы тебя! Так поэты ждут восхода солнца. Только у нас нетерпения больше, чем у поэтов.

Никогда в жизни я не бегал так быстро, как во время первой утренней оправки. Несутся мимо меня стены, полы и лестницы, лица выводных и конвойных. И только одна мысль в голове: «Успеть бы!» Ничто не может меня отвлечь от этой мысли, даже чье-то совсем знакомое лицо и малиновые мотострелковые погоны, которые пронеслись мне навстречу. И только вернувшись в камеру и отдышавшись немного, соображаю, что видел в коридоре такого же губаря, как и я сам. Он бежал с оправки. Этот курсант – один из тех первогодков, которые сменили нас на КПП после нашего ареста, а это может означать только одно: Владимир Филиппович Чиж, генерал-полковник и заместитель командующего округом, въезжая в училище, арестовал нас, а через час, выезжая из училища, арестовал тех, кто нас сменил.

Сувор был генерал-полковник. Жаль только, что, кроме того, как ему лично отдают почести, он больше никакими вопросами не интересовался.

Возвращение из коммунизма

Киевская гарнизонная гауптвахта. 29 марта 1966 года

1

Из миллиардов людей, населяющих нашу грешную землю, я – один из немногих, кто побывал в настоящем коммунизме и, слава Богу, вернулся оттуда целым и невредимым.

А дело было так. На губе во время утреннего развода ефрейтор Алексеев, тыча грязным пальцем в наши засаленные гимнастерки, скороговоркой объявил:

– Ты, ты, ты и ты – объект восемь.

Это значит – на танковый завод, грузить изношенные траки: изматывающая работа и совершенно невыполнимые нормы.

– Ты, ты, ты и вот эти десять – объект двадцать семь.

Это железнодорожная станция, разгрузка эшелонов со снарядами – пожалуй, еще хуже.

Конвой сразу же забирает своих подопечных губарей и уводит к машине на погрузку.

– Ты, ты, ты и вот эти – объект сто десять.

Это совсем плохо. Это нефтебаза. Очистка изнутри громадных резервуаров. Так провоняешь бензином, керосином и прочей гадостью, что потом невозможно ни есть, ни спать, и голова раскалывается от боли. Другую одежду не выдают, и мытья на губе не полагается. Но сегодня, кажется, пронесло.

Ефрейтор приближается. Куда же нас сегодня?

– Ты, ты и вот эти трое – объект двенадцать.

Куда же это?

Нас отвели в сторону, конвойный записал наши фамилии, дал обычные десять секунд на погрузку в машину, и мы, как борзые псы, легкие и резвые, влетели под брезентовый тент новехонького «газика».

Пока конвойный расписывался за наши души, я толкнул локтем шуплого курсанта с артиллерийскими эмблемами, видимо, самого опытного среди нас, который, услышав цифру «двенадцать», заметно приуныл.

– Куда это?

– В коммунизм, к Салтычихе, – быстро прошептал он и так же, шепотом, увесисто выматерился.

Услышав это, я тоже выматерился: каждый знает, что хуже коммунизма ничего на свете не бывает. Про коммунизм я слышал много и про Салтычиху тоже, но просто не знал, что это называется «Объект 12».

Конвойный, брякнув автоматом, перепрыгнул через борт, и наш «газик», пару раз чихнув бензиновым перегаром и тряхнув разок для порядка, покатил по гладкой дореволюционной брусчатке прямо в светлое будущее.

2

Коммунизм находился на северо-западной окраине древнейшей славянской столицы – матери городов русских, полуторатысячелетнего града Киева. И хотя он занимает солидный кусок украинской земли, увидеть его или даже его четырехметровые бетонные заборы непосвященному просто невозможно. Коммунизм спрятан в глухом сосновом бору и со всех сторон окружен военными объектами – базами, складами, хранилищами. И чтобы глянуть только на

заборы коммунизма, надо вначале пролезть на военную базу, которую охраняет недремлющая стража с пулеметами да цепные кобели.

Наш ГАЗ-66 катил между тем по Брест-Литовскому шоссе. Миновав последние дома, проворно юркнул в ничем не приметный проезд между двумя зелеными заборами, игнорируя требования дорожного знака «Въезд воспрещен», установленного на въезде. Тут все было устроено, как и везде у нас: всем категорически запрещено, но кому-то можно.

Минут через пять ГАЗ-66 уперся в серые деревянные некрашенные ворота, которые совершенно не напоминали вход в светлое завтра. Ворота открылись перед нами и, пропустив нас, тут же захлопнулись. Мы очутились в мышеловке: с двух сторон высокие, метров по пять, стены, сзади деревянные, но, видать, крепкие ворота, впереди – ворота железные, еще крепче. Откуда-то вынырнули лейтенант и двое солдат с автоматами, быстро посчитали нас, заглянули в кузов, в мотор и под машину, проверили документы водителя и конвойного. Зеленая стальная стенка перед нами дрогнула и плавно отошла влево, открыв панораму соснового бора, прорезанного широкой и ровной, как взлетная полоса аэродрома, дорогой. За стальными воротами я ожидал увидеть все что угодно, но только не сплошной лес.

Справа и слева среди сосен мелькали громадные бетонные коробки хранилищ и складов, засыпанные сверху землей и густо заросшие колючим кустарником. Через несколько минут мы вновь остановились у немыслимо высокого бетонного забора. Процедура повторилась: первые ворота, бетонная западня, проверка документов, вторые ворота и вновь прямая гладкая дорога в лесу, только склады больше не попадались.

Наконец, мы остановились у полосатого шлагбаума, охраняемого двумя часовыми. В обе стороны от шлагбаума в лес уходил проволочный забор, вдоль которого рыскали серые караульные псы. Много в своей жизни я видел всяких собак, но эти чем-то поразили меня. Лишь много позже я сообразил, что любой цепной кобель в ярости рвет цепь и хрипит, надрываясь, эти же свирепые твари были безгласны. Они не лаяли, а лишь шипели, захлебываясь слюной и бешеной злобой. На то, видать, она и караульная собака, чтобы лаять лишь в случаях, предусмотренных уставом.

ГАЗ-66, преодолев последнее препятствие, остановился перед огромной, метров 6–7 высотой, красной стеной, на которой золотистыми буквами по полметра каждая было выведено:

**ПАРТИЯ ТОРЖЕСТВЕННО ПРОВОЗГЛАШАЕТ: НЫНЕШНЕЕ ПОКОЛЕНИЕ
СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ БУДЕТ ЖИТЬ ПРИ КОММУНИЗМЕ!**

И чуть ниже, в скобках:

Из Программы Коммунистической партии Советского Союза, принятой XXII съездом КПСС

Конвойный рявкнул:

– Десять секунд... К машине!

Мы, как серые воробушки, выпорхнув из кузова, построились у заднего борта. Десять секунд – жить можно, нас-то только пятеро; прыгать из машины – это совсем не то, что карабкаться в нее через обледеневший борт, да и легкими мы стали за последние дни.

Появился мордастый ефрейтор с барскими манерами, в офицерских сапогах. Видать, из здешних, из свиты. Ефрейтор коротко объяснил что-то конвойному, а тот заорал:

– Руки за спину! За ефрейтором, в колонну по одному! Шагом марш!

Мы нестройно потопали по мощеной дорожке, расчищенной от снега, и, обогнув живописный ельник, без всякой команды все вдруг остановились, пораженные небывалой картиной.

На лесной поляне, окруженной молодыми елочками, в живописном беспорядке были разбросаны красивые строения. Никогда раньше и никогда потом, ни в фильмах, ни на выставках зарубежной архитектуры я не встречал такого удивительного сочетания красок, прелести природы и изящества архитектуры.

Не каждый, кто пишет книжки, достоин звания писателя. Я себя пока писателем не считаю: мне не дано описать очарования этого места, куда меня однажды занесла судьба.

Не только мы, но и наш конвоир, разинув рот, созерцал небывалое. Ефрейтор, привыкший, видимо, к такой реакции посторонней публики, прикрикнул на конвойного, приведя его в чувство. Тот ошалело поправил ремень автомата, покрыл нас матом, и мы вновь вразнобой застучали каблуками сапог по дорожке, мощенной серым гранитом, мимо замерзших водопадов и прудов, мимо китайских мостиков, выгнувших свои кошачьи спины над каналами, мимо мраморных беседок и уютных сказочных домиков.

Миновав прелестный городок, мы вновь очутились в ельнике. Ефрейтор остановился на маленькой площадке, сплошь окруженной деревьями, приказал разгрести снег, под которым оказался люк. Впятером мы подняли чугунную крышку и отбросили ее в сторону.

Чудовищным зловонием дохнуло из недр земли. Ефрейтор, зажав нос, отпрыгнул в сторону в снег. Мы за ним, конечно, не последовали – можно ведь так и короткую очередь из автомата промеж лопаток схлопотать с эдакой прытью. Мы только зажали носы, попятившись от канализационной ямы. Ефрейтор глотнул чистого лесного воздуха и распорядился:

– Насос и носилки – там, а фруктовый сад – во-о-он там. К восемнадцати ноль-ноль яму очистить, деревья удобрить!

И удалился.

3

Райское место, куда мы попали, называлось «Дача командного состава Варшавского Договора» или иначе «Объект 12». Держали дачу на тот случай, если командование Варшавского Договора вдруг возгорится желанием отдохнуть в окрестностях стольного града Киева. Однако руководство Варшавского Договора предпочитало отдыхать на черноморском побережье Кавказа, и дача пустовала.

На случай приезда в Киев министра обороны СССР или начальника Генерального штаба имела другая дача с официальным названием «Дача руководящего состава Министерства обороны» или «Объект 23». Так как министр обороны и его первые заместители приезжали в Киев не каждое десятилетие, то и эта дача пустовала.

На случай приезда в Киев руководителей коммунистической партии и советского правительства имелись многочисленные «объекты» в распоряжении киевских горкома и горисполкома, другие, посolidнее, в распоряжении киевского обкома и обlisполкома, и самые солидные, не в пример нашим военным, в распоряжении ЦК КП Украины, Совета Министров Украины и Верховного Совета Украины. Так что было где разместить дорогих гостей.

Ни командующий Киевским военным округом, ни его заместители дачу на «Объекте 12» использовать не желали, – каждый имел персональную дачу. И вот с тем, чтобы «Объект 12» имел жилой вид, тут постоянно проживала жена командующего, а на «Объекте 23» – кто-то из его родственников. Сам же он, с девками, жил на своей персональной даче. (Организация, поставлявшая девок руководящему составу, официально именовалась Ансамблем песни и пляски Киевского военного округа. Такие организации были созданы во всех округах, флотах, группах войск, а также при всех вышестоящих инстанциях.)

Жену генерала армии Якубовского, который в то время командовал Киевским военным округом, обслуживал целый штат холуев. Не берусь говорить, сколько их было, ибо не знаю. Но точно знаю, что регулярно в помощь поварам, официантам, уборщицам, садовникам и про-

чим с губы привозили по 5–8 губарей, иногда и по 20, на самую черную работу, вроде нашей сегодняшней.

У губарей дача командного состава Варшавского Договора была известна под нехорошим именем «Коммунизм». Трудно сказать, отчего ее так окрестили – может быть, из-за плаката при въезде на дачу, может, за красоту того места, а еще, может быть, за органичное сочетание красоты и дерьма.

А дерьма было много.

– Глубока ли яма? – интересуется узбек, военный строитель.

– До центра земли.

– Так можно же было трубу сделать и соединить с городской канализацией!

– Это у них такая система просто для безопасности придумана, а то вдруг какая секретная бумага упадет, что тогда? Враг не дремлет. Враг все каналы использует. Вот и придумана здесь замкнутая система, чтоб утечки информации не было!

– Ни хрена-то вы, братцы, не понимаете, – подвел резюме щуплый артиллерист, – такая система придумана просто для сохранения генеральского экскремента, ибо он тут калорийный, не то что у нас с вами. Каков стол – такой и стул! Если бы какому-нибудь садоводу дали столько первосортного экскременту, он бы нашу родину в веках высокими урожаями прославил!

– Хватит болтать! – прервал дискуссию конвойный.

Хорошо, когда тебя конвоирует свой брат-курсант из твоего училища. Жизнь совсем не та. Он, конечно, знает, что если кто заметит поблажки со стороны конвоя арестантам, то конвойный после смены займет место на губе вместе с теми, кого он только что охранял. И все-таки свой брат в малиновых погонах – это куда лучше, чем ракетчики или авиация. Еще неплохо, когда охрану несут пусть и не свои ребята, но опытные – третий или четвертый курс. Те хоть и не свои, но уж на губе хоть разок да посидели. Те понимают, что к чему.

Хуже всего, когда охраняют сопляки, да еще и чужие. Первогодки всегда дурные и свирепые. Они инструкции понимают дословно. Именно один из таких и достался нам сегодня.

Высокий, мордастый, по заправке видно – первогодок, да еще все у него новое: и шинель, и шапка, и сапоги. У старослужащего так не бывает. У него что-нибудь одно может быть новым: или шинель, или сапоги, или ремень. Если все новое – значит, желторотый. А эмблемы у него войск связи. В Киеве это может означать Киевское высшее инженерное радиотехническое училище – КВИРТУ. Его курсантов в Киеве иначе как квиртанутыми никто и не называет.

Квиртанутый, кажется, начинает выходить из себя. Пора, значит, и за работу.

Итак, начинаем трудовой день в коммунизме. Один дерьмо насосом качает, остальные четверо таскают вонючую жижу в генеральский сад. В напарники мне попался тот щуплый курсант-артиллерист, самый опытный из нас. Работа была явно ему не по силам. И когда мы тащили груженные носилки, он весь краснел и кричал – казалось, вот-вот не выдержит. Помочь ему я ничем не мог, сам-то тащил еле-еле за свои ручки. Грузить меньше мы не могли, потому что вторая пара сразу поднимала шум, а конвойный грозился доложить кому следует.

Парня, однако, надо было поддержать, если не делом, то хоть словом. При груженных носилках это было абсолютно невозможно, но на обратном пути – вполне. Да и уходили мы метров на триста от зловонного люка и от конвойного, так что говорить было можно.

– Слышь, артиллерия, тебе еще сколько сидеть? – начал я после того, как мы вывалили первые носилки под старую яблоню.

– Все, я уже отсидел, – вяло ответил он, – если только сегодня ДП не схлопочем.

– Счастливый ты! Слышь, бог войны, а тебе до золотых погон много еще?

– Всё уже.

– Как всё? – не понял я.

– А так, всё. Приказ уж три дня как в Москве. Подпишет министр сегодня – вот тебе и золотые погоны; а может, он завтра подпишет, значит, я завтра офицером стану.

Тут я еще раз ему искренне позавидовал. Мне-то еще два года трубить. Два года – это настолько много, что я еще, в отличие от многих своих друзей, не начал отсчет часов и минут до выпуска. Я еще только дни считал.

– Счастливый ты, артиллерист, с губы прямо в баньку да на выпускной вечер. Везет же людям!

– Если ДП не получим, – мрачно перебил он.

– В этом случае амнистия положена.

Он ничего не ответил – может быть, оттого, что мы приближались к мордастому конвойному.

Второй рейс для артиллериста оказался труднее, чем первый: он еле доплелся до первых деревьев, и пока я опрокидывал носилки, он всем телом привалился к корявому стволу.

Парня надо было поддержать. Два козыря я уже бросил впустую: ни близкий выпуск из училища, ни близкое освобождение с губы его не обрадовали. У меня оставалась единственная надежда поднять его душевное состояние на должный уровень. И я решил подбросить ему мысль про светлое будущее, про коммунизм!

– Слышь, бог войны.

– Чего тебе?

– Слышь, артиллерия, вот тяжело нам сейчас, а придет время, будем и мы жить в таких вот райских условиях, в коммунизме. Вот жизнь-то будет! А?

– Как жить? С носилками говна в руках?

– Да нет же! – его душевная черствость огорчила меня. – Я говорю, настанет время, и будем мы жить вот в таких райских садах, в таких вот чудесных маленьких городках с бассейнами, а вокруг сосны столетние, а дальше – яблоневые сады. А еще лучше – вишневые. Слышь, поэзии-то сколько... Вишневый сад!

– Дурак ты, – устало ответил он, – дурак, а еще разведчик.

– Это почему же я дурак? Нет, ты стой! Это почему же я дурак?

– А кто ж, по-твоему, говно при коммунизме таскать будет? Теперь помалкивай, приближаемся.

Вопрос этот, такой простой и заданный таким насмешливым тоном, громыхнул меня словно обухом по загривку. Вначале он не показался мне неразрешимым, но это был первый в моей жизни вопрос про коммунизм, на который я не нашел сразу, что ответить. До того все было абсолютно ясно: каждый работает как хочет и сколько хочет, по своим способностям, получает же что хочет и сколько хочет, то есть по потребностям. Было ясно, что, допустим, один желает быть сталеваром – пожалуйста, трудись на благо всего общества и на свое благо, конечно, ибо ты равноправный член этого общества. Захотел быть учителем – пожалуйста, всякий труд у нас в почете! Захотел быть хлеборобом – что может быть почетнее, чем кормить людей хлебом! Захотел в дипломаты – путь открыт! Но кто же будет возиться в канализации? Неужели найдется кто-нибудь, кто скажет: да, это мое призвание, тут мое место, а на большее я не способен? На острове Утопия этим занимались рабы и арестанты, как мы сейчас. Но при коммунизме ни преступности, ни тюрем, ни губы, ни арестантов не будет, ибо незачем совершать преступления – все бесплатно. Бери, что хочешь, – это не преступление, а потребность, и все будут брать по своим потребностям, это основной принцип коммунизма.

Мы опрокинули третьи носилки, и я победно заявил:

– Каждый будет чистить за собой! А кроме того, машины будут!

Он с сожалением посмотрел на меня.

– Ты Маркса-то читал?

– Читал, – запальчиво отрезал я.

– Помнишь пример про булавки? Если делает их один человек, то три штуки в день, а если распределить работу среди троих – один проволоку режет, другой затачивает концы, тре-

тий хвостики приделывает – то уже будет триста булавок в день, по сто на брата. Это разделением труда называется. Чем выше степень разделения труда в обществе, тем выше его производительность. В каждом деле должен быть мастер, виртуоз, а не любитель, не дилетант. А теперь представь себе хотя бы город Киев, и как полтора миллиона его обитателей, каждый для себя, канализацию прокладывают и в свободное от общественной деятельности время чистят ее и поддерживают в исправном состоянии. А теперь про машины. Маркс пророчил победу коммунизма в конце XIX века, но тогда не было таких машин, значит, и коммунизм был в то время невозможен, так? Сейчас тоже нет таких машин, это значит, что сейчас коммунизм тоже невозможен, так или нет? И пока таких машин нет, кто-то должен ковыряться в чужом дерьме, – а это, извините, не коммунизм. Допустим, когда-нибудь сделают такие машины, но кто-то же должен будет их настраивать и исправлять, а это тоже, наверное, не очень будет приятно; неужели у кого-то будет и вправду потребность всю свою жизнь заниматься только этим? Ты же поддерживаешь теорию Маркса о разделении труда? Или ты не марксист?

– Марксист, – промямлил я.

– Приближаемся, поэтому вот тебе несколько дополнительных вопросов для самостоятельного размышления. Кто при коммунизме будет закапывать трупы? Самообслуживание? Или любители в свободное время этим будут заниматься? Да и вообще в мире очень много грязной работы, не всем же быть дипломатами и генералами. Кто свиные туши разделять будет? А ты в рыборазделочном цехе был когда-нибудь? Рыбу подают, ее моментально разделять надо и ни хрена не механизировать. Как быть? А кто будет улицы мести и мусор вывозить? Да вывоз мусора требует сейчас квалификации, и немало, и дилетантами не обойдешься. А официанты будут при коммунизме? Сейчас это прибыльное дело, а когда деньги ликвидируют, как тогда? И последнее: тот, кто сейчас о чистке говна никакого понятия не имеет, товарищ Якубовский, например, заинтересован ли он в том, чтобы настал когда-нибудь такой день, когда он сам свое говно за собой убирать будет? Ну, размышляй и помалкивай...

– Много болтаете, работать надо!

4

– Слышь, артиллерия, так что ж, по-твоему, коммунизма вообще никогда не будет? Он даже остановился, сраженный моей дикостью.

– Да нет, конечно!

– А это еще почему? Контра недорезанная! Антисоветчик! – со всего размаху хрястнул я тяжеленные носилки оземь, и вонючая золотистая жидкость растеклась по ослепительно белому снегу и гранитной дорожке.

– Эх, что же ты наделал, – плюнул в сердцах артиллерист, – теперь по пять суток схлопочем, как пить дать.

– Да нет, вроде никто не видал. Снегом сейчас забросаем, – мы проворно принялись забрасывать снегом грязное пятно, но издали уже бежал наш конвойный.

– Вы что, лодыри, наделали! Только бы болтать! Отвечай за вас! Ну, вы у меня попляшете!

– Да ты не шуми, мы снегом сейчас забросаем, не видно будет, тяжеленная ведь зараза, из рук и вырвалась. А для сада тоже ведь хорошо. Снег через недельку растает, все и смоем.

Мордастый первокурсник, однако, не унимался:

– Вы бы не болтали, а дело бы делали! Ну вы у меня за это поплатитесь!

Артиллерист тогда сменил тон.

– Ты, балбес, послужи столько, сколько мы, тогда орать будешь! А если заложишь, сам же с нами и сядешь, за то, что недоглядел!

Я поддержал:

– Человеку документы на звание послали, он дня через три офицером станет. А ты еще сопляк...

– Это я-то сопляк? Хорошо же... – он вскинул автомат. – А ну работать... Живо... Вы у меня...

Артиллерист взялся за ручки:

– Пошли... Не хрен с бараном разбираться. Посадят его сегодня... Ты уж на мой опыт положишься...

Мы побрели к канализационному люку.

– Заложит! – уверенно отрезал артиллерист.

– Не, – возразил я, – поспихует, к вечеру отойдет.

– Ну, посмотришь.

– Слышь, контра недобитая, так отчего же, по-твоему, коммунизма никогда не будет?

– А потому не будет... Только ты носилки не бросай! А потому не будет, что не нужен он, этот самый коммунизм, нашей партии коммунистической и ее ленинскому Центральному Комитету.

– Врешь, контра!

– Сопи в две дырки, псих несчастный. Уймись, не ори. По дороге туда невозможно с тобой разговаривать. Потерпи, сейчас разгрузимся, я тебе преподам.

Разгрузились.

– Так вот, представь себе, что коммунизм наступит завтра утром.

– Да нет, это невозможно, – оборвал я, – нужно сначала материально-техническую базу построить.

– А ты представь себе, что тысяча девятьсот восьмидесятый год наступил, и Коммунистическая партия, как обещала, эту самую базу создала. Так вот, что, собственно, обычный наш стандартный секретарь райкома будет иметь от этого самого коммунизма? Ась? Икры вдоволь? Так у него ее и сейчас сколько угодно. Машину? Да у него две персональные «Волги» и частная про запас. Медобслуживание? Да у него все медикаменты только иностранные. Жратва? Бабы? Дача? Да все у него это есть. Так что ничего нового он, наш дорогой секретарь райкома самого захудалого, от коммунизма не получит. А что он теряет? А все теряет! Так он на Черноморском побережье на лучших курортах пузо греет, а при коммунизме все равны, как в бане, не хватит всем места на том пляже. Или, допустим, изобилие продуктов, бери в магазине, что хочешь и сколько хочешь, и очереди там даже не будет; так все равно же хлопоты – сходи да возьми. А зачем ему это, если холуи ему все на цырлах сегодня носят; зачем ему такое завтра, если сегодня лучше? Он при коммунизме все потеряет: и дачу, и врачей персональных, и холуев, и держиморду из охраны. Так что на уровне райкома даже нет у них заинтересованности в том, чтобы коммунизм наступил завтра, и послезавтра тоже не хочется. А уж таким Якубовским да Гречкам он и подавно не нужен. Видал, как на Китай накнулись, – мол, в Китае уравниловка, все в одинаковых штанах ходят. А как же мы-то при коммунизме жить будем? Будет мода или нет? Если не будет моды, все будем в арестантских телогрейках ходить? Партия говорит: нет. А как тогда всех модной одеждой обеспечить, если она бесплатная и каждый берет сколько хочет? Да где же на всех баб лисьих шуб да песцов набрать? Вот жена Якубовского каждый день горностаевые шубы меняет. А если завтра коммунизм вдруг настанет, сможешь ли ты доказать доярке Марусе, что ее ляжки хуже, чем у этой старой дуры, и что ее положение в обществе менее почетно? Маруська баба молодая, ей тоже горностаея подавай, и золото, и бриллианты. А ты думаешь, выдра Якубовская сама свои меха и бриллианты без боя отдаст? Вот и не хотят они, чтоб завтра коммунизм наступил, и все тут. Оттого исторический период придуман. Ленина читал? Когда он нам коммунизм обещал? Через десять – пятнадцать лет. Так? А Сталин? Тоже через десять – пятнадцать, иногда через двадцать. А Никита? Через двадцать. И вся коммунистическая партия народу клялась, что на этот раз не обманет. Ты думаешь, придет

этот самый тысяча девятьсот восьмидесятый год – будет коммунизм? Ни хрена не будет. А думаешь, кто-нибудь спросит у коммунистической партии ответа за ложь? Никто не спросит! Задумывался ли ты, чертов разведчик, почему именно пятнадцать – двадцать лет все правители обещают? А это чтобы самому успеть пожить всласть, и чтобы в то же время надежда у народа не терялась. А еще чтоб успели все эти обещания забыться. Кто сейчас вспомнит, что там Ленин обещал? И тысяча девятьсот восьмидесятый год придет – ровным счетом никто не вспомнит, что время-то подошло, пора бы и ответ держать! За такие вещи коммунистическую партию и судить бы следовало!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.